

Рабочие протесты в Украине до и после “Евромайдана”

Аннотация

В анализе контекста возникновения “Евромайдана” внимание исследователей концентрируется на идеологических, политических и геополитических аспектах, в основном игнорируя социально-экономический контекст. В статье использованы теория Карла Поланьи и ее модификация в исполнении Беверли Силвер для анализа важных аспектов социально-экономического контекста, таких как мобилизация в защиту прав наемных работников. С использованием базы данных проекта “Мониторинг протестов, репрессий и уступок” анализируется динамика и характеристики протестов в защиту прав наемных работников, а также динамика социально-экономических протестов в целом. Подтверждая гипотезу о нарастающем “кризисе легитимности” дерегуляции экономики перед “Евромайданом”, анализ указывает на локализованный, защитный и слабоорганизованный характер протестов в защиту прав наемных работников и другой мобилизации против дерегуляции в условиях стагнации. Анализ также позволяет сделать выводы об определенных ограничениях подходов Карла Поланьи и Беверли Силвер, которые проистекают из метауровневого подхода и связанными с этими пробелами интерпретации социально-экономической борьбы за дерегуляцию/регуляцию рынка в условиях стагнации экономики, когда “кризис легитимности” и “кризис доходности” могут нарастать одновременно.

Ключевые слова: мобилизация, протесты, рабочие протесты, рыночная экономика

Вступление

Обострение социально-политической ситуации в Украине в конце 2013 года активно анализируется как украинскими, так и зарубежными исследо-

вателями. Истоки этого обострения являются одним из самых важных вопросов для представителей общественных наук.

Мобилизация на “Евромайдане” и дальнейшие контрмобилизации “Антимайдана” и так называемой Российской весны на дискурсивном уровне происходили преимущественно в идеологических, политических и геополитических плоскостях — с существенными элементами борьбы за гражданские права и свободы в случае “Евромайдана”. Поэтому закономерно, что значительная часть интерпретаций истоков беспрецедентной мобилизации и эскалации имеют корни в этих же плоскостях — языка, идентичности, борьбы за демократию и против авторитаризма, геополитического выбора.

Однако такие интерпретации часто оставляют без внимания социально-экономический контекст масштабной мобилизации. Безусловно, можно было бы предположить, что социально-экономический контекст не имел или же имел минимальное значение для упомянутых событий. Но это предположение, которое может привести к полному отказу от анализа социально-экономического контекста, похоже, игнорирует сложность процессов между социально-экономическими, политическими и другими плоскостями социальной реальности. Следует подчеркнуть, что начиная с 2011 года и до начала “Евромайдана” именно протесты с социально-экономическими требованиями составляли относительное, а порой и абсолютное большинство всех протестных событий на территории Украины [ЦСТД, 2014]. В частности, в 2013 году вплоть до начала “Евромайдана” 56% протестов поднимали социально-экономические вопросы.

Разумеется, эти данные не означают, что истоки массовой мобилизации и эскалации кроются в этих протестах, но эмпирическая реальность указывает на то, что нецелесообразно игнорировать социально-экономический контекст, на фоне которого возник конфликт. Поэтому исследовательской проблемой данной статьи является недостаток анализа протестного социально-экономического контекста “Евромайдана” и производных событий, несмотря на то, что именно социально-экономической мобилизацией отличалась наиболее весомая доля протестов в Украине с 2011-го до конца 2013 года.

Карл Поланьи [Polanyi, 2001] полагал, что самые бурные общественные потрясения в современных обществах являются производными от борьбы между силами, выступающими за “свободный рынок”, его максимальную дерегуляцию, и силами, пытающимися защитить общество путем регулирования рыночных процессов. Идея “свободного рынка”, основополагающая для современных капиталистических отношений, впервые в истории укрепила общество в экономике, заложив его идеологический фундамент и структурировав его таким образом, что запустила маятниковое движение борьбы между наступлением “свободного рынка” и защитой общества от этого наступления.

Одна из последовательниц Поланьи, Беверли Силвер [Silver, 2003] использовала теорию Поланьи для метауровневого эмпирического исследования рабочих протестов, которые в данной интерпретации стали отражением ключевой социально-экономической динамики капиталистического мира.

Вот почему зарубежные исследователи активно заявляют о весомой роли рабочей борьбы в современном мире и ее влиянии на социально-экономические и политические процессы на глобальном и локальном уровнях. В украинских реалиях ситуация кардинально иная. После распада СССР ра-

бочее движение переживало значительный подъем в 1990-х, но позже отошло на второй план из-за особенностей советской и постсоветской организации трудовых отношений и профсоюзов, а также в результате быстрых изменений социально-экономических структур в стране (напр.: [Симончук, 2005; Симончук, 2011; Mandel, 2004; Crowley, 2004]). В новейшей истории Украины рабочим (прежде всего я имею в виду индустриальных рабочих) отведена адаптационная роль [Симончук, 2006: с. 40; Рябчук, 2007: с. 13], их идентичность рассматривается как анахронизм [Панькова, 2006: с. 247], а их потенциальную политическую роль часто отрицают [Kubicek, 1999: р. 83]. Некоторые исследователи даже утверждают, что существует серьезная “проблема, которую профсоюзы могут представлять для демократических политиков, заинтересованных в рыночных реформах” [Kubicek, 2002: р. 606]. Такое отношение, в разной степени выраженное, распространено среди украинских исследователей [Varga, 2011; Симончук, 2005: с. 6].

Однако эти особенности исследовательской повестки дня в Украине не должны быть преградой в попытке проанализировать мобилизацию за права наемных работников как важный протестный социально-экономический контекст, в котором возникли крупнейший политический и производный социально-экономический кризис в новейшей истории Украины. Более того, эти “белые пятна” и проблемы должны послужить стимулом для такого рода анализа. Итак, целью статьи является пополнение знаний об особенностях протестов наемных работников в Украине и о динамике этих протестов, а также социально-экономических протестов в целом накануне и в период радикальных изменений 2013–2014 годов.

Может ли теория Карла Поланьи и ее модификации в исполнении Беверли Силвер объяснить социально-экономическую протестную мобилизацию, которая агрегировала наиболее весомую долю протестных событий накануне “Евромайдана”? Может ли анализ социально-экономической протестной мобилизации в рамках этих теорий добавить что-то существенное для понимания масштабной политической, идеологической мобилизации и мобилизации в защиту гражданских прав и свобод во времена обострения социально-политического противостояния в Украине?

Рабочей гипотезой этого исследования стало предположение, согласно которому динамика рабочих протестов накануне общественно-политического обострения конца 2013 — начала 2014 годов указывает на “кризис легитимности” (в терминах Беверли Силвер) дерегуляции рынка, и этот “кризис легитимности” был весомым контекстом, на фоне которого возник “Евромайдан” и дальнейшие события. Производной была гипотеза о возможной прямой или опосредованной связи данного контекста с мобилизацией и эскалацией. Для тестирования этих гипотез нужно проанализировать теории Карла Поланьи и Беверли Силвер и исследовать их объяснительную состоятельность в украинских реалиях.

От метатеоретической концепции Карла Поланьи к метаэмпирической концепции Беверли Силвер

В своем исследовании “Великая трансформация” [Polanyi, 2001: р. 317] Карл Поланьи рассматривает развитие рыночного капитализма и становление идеи “свободного рынка”, а также анализирует их связь с часто катастро-

фическими социально-экономическими и политическими процессами нескольких последних веков. Поланьи подчеркивает, что попытки воплощения свободного рынка несут разрушительные последствия для общества, и приходит к выводу, что наступление свободного рынка приводит к защитной реакции со стороны общества, его классов, групп, институтов — начиная от государства и кончая низовыми общественными движениями. При этом он утверждает, что как наступление со стороны приверженцев свободного рынка, так и защитные действия со стороны приверженцев его регуляции нередко имеют хаотический, полуавтоматический характер. Отвергая популярные теории заговора, Поланьи настаивает на том, что противостояние между этими “лагерями” заложено в самой структуре отношений и в противоречивости интересов в условиях рыночного капитализма, а потому не требует координации и не предполагает слаженности, хотя не исключает ни того, ни другого.

Таким образом Карл Поланьи объяснял великие социально-экономические и политические катаклизмы, которые переживало его поколение. Начиная с 1990-х исследователи пытались переосмыслить наследие Поланьи в контексте усиления глобализационных процессов [Riain, 2006], которые высвобождают капитал, делают его еще более гибким и еще менее подконтрольным общественным институтам отдельных государств и даже надгосударственных образований. Некоторые исследователи отмечают, что финансовые глобализационные процессы обусловили возникновение двух различных защитных общественных движений [Riain, 2006]. Одно из них — антиглобализационное движение, продемонстрировавшее беспрецедентную мобилизацию в период с 1999 по 2003 год. Второе — распространение фундаменталистских религий, особенно фундаменталистского течения ислама. Эти по содержанию диаметрально противоположные защитные и альтернативные реакции общества на очередное наступление свободного рынка никоим образом не противоречат теории Поланьи, ведь он в свое время рассматривал как правые, так и левые варианты сопротивления общества на примере фашизма и социализма.

В период “Великой рецессии”, наступившей после очередного глобального экономического кризиса 2007–2008 годов, многие социологи и экономические аналитики начали заявлять о необходимости переосмысления теории Поланьи и ее применения к нынешнему дню [Dale, 2012]. В их интерпретации очередной кризис был так же очередной реакцией экономики на чрезмерное продвижение капитализма в сторону дерегуляции рынка, а послекризисные годы стали началом новой попытки обществ защититься от “невидимой руки”.

Теория Поланьи является метатеорией социально-экономического исторического анализа, которую можно успешно использовать для общей аналитики, но, казалось бы, трудно применить для эмпирического исследования. Но именно опираясь на его теорию, Беверли Силвер исследует динамику рабочих протестов на глобальном уровне за последние полтора столетия. В своей книге “Силы труда” [Silver, 2003] она анализирует упоминания о рабочих протестах в ведущих новостных изданиях и создает собственную теорию на основе этого анализа. Силвер приходит к выводу, что пространственное, временное и отраслевое распределение рабочей мобилизации указывает на определенную закономерность, а именно: что наиболее активно рабочая борьба в определенный период ведется в тех странах и тех отраслях, которые находятся на стадии наиболее активного роста.

Силвер демонстрирует перемещение эпицентра рабочей борьбы с 1870 года — из текстильной индустрии Старого света в автомобилестроительные заводы нового послевоенного ядра мир-системы, включающее развитые страны как Старого, так и Нового света. Объяснение такого географического и отраслевого перемещения исследовательница находит в перемещении капитала из одной страны в другую в поисках более дешевой рабочей силы, меньшего налогообложения и больших законодательных преференций. Вслед за этим перемещением рабочие в наиболее динамичных странах и отраслях экономики постепенно начинают использовать свою структурную ключевую позицию в прибылях крупного бизнеса, требовать больших прав и бороться за них. Капитал при этом вынужден идти на уступки, пока не возникает новая ведущая отрасль, которую можно развивать в менее социально защищенных странах и получать сверхприбыли. История повторяется.

На основе такого эмпирического материала Силвер предлагает теорию маятникового движения, где история нескольких последних веков, в рамках которых возникла и начала активно применяться идея “свободного рынка”, на самом общем уровне объясняется борьбой между приверженцами, с одной стороны, дерегуляции, а с другой — регуляции рынка, коммодификации труда, с одной стороны, и декоммодификации — с другой, что, собственно, и приводит к маятниковому движению между “кризисом легитимности” и “кризисом прибыльности”. Кризис легитимности, по теории Силвер, наступает тогда, когда негативные последствия ослабления регуляции рынка и коммодификации труда приводят к пику мобилизации за регуляцию и наиболее активной (как правило, относительно успешной) борьбы за социально-экономические права и защищенность рабочих, а также широких слоев населения. На этапе, когда борьба сторонников регуляции рынка достигает существенного успеха, в определенный момент наступает кризис прибыльности для части приверженцев дерегуляции, а именно — для крупных собственников. Руководствуясь логикой максимальной прибыли и идеями “свободного рынка”, в условиях капиталистической конкуренции эти собственники либо перемещают производство, либо вновь начинают активную мобилизацию за дерегуляцию рынка и коммодификацию труда, пока последствия этих процессов не становятся непосильными для общества, и тогда снова наступает кризис легитимности.

Анализ имеющихся статистических данных о протестах в Украине сквозь призму теорий Поланьи и Силвер может не только помочь глубже понять социально-экономический контекст событий последних лет, но и протестировать эти метаконцепции, чтобы ответить на ряд теоретико-практических вопросов, в частности: Возможно ли использование концепций таких исторических масштабов в относительно краткосрочной перспективе? Какие ограничения это накладывает на их объяснительную способность? И может ли украинский контекст привнести что-то новое в понимание динамики общественных изменений путем маятникового движения борьбы между приверженцами регуляции и дерегуляции рынка?

Протесты в защиту прав наемных работников в Украине: концептуализация статистического исследования

Для изучения динамики и основных характеристик протестов в защиту прав наемных работников в Украине использовалась база данных проекта

“Мониторинг протестов, репрессий и уступок” Центра социальных и трудовых исследований (ЦСТИ). В рамках этого проекта с конца 2009¹ года из более чем 190 национальных, региональных и активистских новостных веб-страниц систематически собирают данные обо всех протестах, репрессиях и компромиссах в Украине. В базу данных вносятся разнообразные характеристики указанных событий — временные (начало, продолжительность события), географические (регион, населенный пункт), другие качественные (тип события, участники) и количественные (количество участников, арестованных, раненых) параметры².

Безусловно, существуют и другие источники такого рода данных, которые используются для анализа протестов в Украине. Одним из них может быть официальная статистика Министерства внутренних дел. Однако методология сбора данных этого министерства делает их фактически непригодными для анализа. Ключевая проблема в том, что именно Министерство имеет в виду под массовыми мероприятиями и о чем оно, соответственно, собирает информацию. В ответ на информационные запросы Министерство объясняет, что термин “массовые мероприятия” “используется в органах внутренних дел и включает мероприятия общественно-политического, религиозного, спортивного, культурно-зрелищного характера с участием значительного количества граждан, которые проводятся по случаю отмечаемых официальных (государственных), профессиональных, религиозных праздников, памятных дат, а также по инициативе политических партий, движений, общественных объединений, религиозных конфессий, общин, отдельных граждан, спортивных организаций, учреждений культуры” [Міністерство внутрішніх справ, 2012].

С другой стороны, существует официальная статистика забастовок, которую собирает Государственная служба статистики Украины и которую потом используют международные организации. Однако, учитывая специфику источников получения информации, это учреждение сообщает лишь о тех забастовках, которые прошли официальную процедуру объявления забастовок, что, согласно законодательству, может длиться не один месяц. То есть в эту статистику не попадают спонтанные забастовки и забастовки, организаторы которых сознательно и из практических соображений отказываются от официальных процедур.

Кроме этого, нужно заметить, что права наемных работников можно отстаивать не только путем забастовок, но и посредством других разнообразных форм протеста, таких как демонстрация, пикет, митинг, блокирование и т.п. Также ни один из этих источников данных не позволяет проанализировать что-то еще, кроме динамики, а именно разнообразные характеристики протестных событий.

Для анализа протестов в защиту прав наемных работников на основе статистической информации необходимо выделить соответствующий тип протестов. На этом этапе возникает проблема концептуализации понятия

1 Хотя данные Мониторинга начинаются с конца 2009 года, принципиальные изменения в методологии, которые были внесены в процессе реализации проекта, позволяют содержательно анализировать необходимые данные только начиная с 2011 года.

2 Финальные данные содержатся в открытом доступе и могут быть загружены с веб-страницы Центра социальных и трудовых исследований [ЦСТД, 2010–2013].

наемных работников, которые могут быть акторами такого протеста. Ведь в общественных науках класс наемных работников, или рабочих, определяют по различным параметрам и методологиям [Симончук, 2005]. Применение различных параметров приводит к отождествлению этой исследовательской единицы с людьми, занятыми физическим трудом по найму, индустриальными работниками и всеми работающими по найму и даже с самозанятыми. Разные методологические подходы, применяемые в эмпирических исследованиях, ссылаются либо на фактическое место человека в социально-экономической системе по различным параметрам, либо на видение его места другими людьми, либо на самоидентификацию, либо на определенную комбинацию этих показателей.

Однако задачи нового определения понятия наемных работников, параметров этого класса и методов его идентификации выходят за рамки данного исследования. Как замечает Елена Симончук [Симончук, 2011], в традиции анализа в западных общественных науках под рабочим движением понимают не движение рабочих, а движение, поднимающее широкий спектр вопросов в защиту их прав. В итоге исследовательница приходит к выводу, что “в таком случае вполне логично и оправданно на современном этапе под термином “рабочее движение” понимать движение в защиту своих прав в Украине разных групп наемных работников и мелкой буржуазии, а не только рабочих” [Симончук, 2011: с. 90].

Исходя из этого и учитывая специфику данных Мониторинга ЦСТИ, нужно сместить внимание с вопроса рабочего класса на эмпирический исследовательский вопрос — определения проблем, подпадающих под определение интересов наемных работников, и акторов, защищающих эти интересы. И хотя в базе этого исследования имеется переменная “акторы”, что включает “рабочих”, “учителей”, “ученых”, “журналистов” и других потенциальных представителей наемного труда, в нем имеют значение не только протесты при участии наемных работников, а скорее протесты в защиту их прав. Но идентифицировать последние сугубо через привязку к организованным группам наемных работников не так просто.

То есть речь идет об определенной перекрестной идентификации на основе вопросов защиты наемного труда¹, поднимающихся на протестах, и протестов организованных наемных работников. Чтобы выделить эти протесты в базе данных, использовался многоуровневый алгоритм отбора.

1. *Выделение по проблематике.* По определению, сначала под проблематику интересов наемного труда подпадают сугубо рабочие вопросы, которые поднимают либо организованные группы наемных работников, либо группы, выступающие в их защиту и поддержку². К таким вопросам отнесены, прежде всего, “права рабочих”, с которыми связаны выступления против нарушения прав рабочих (прав профсоюзов, безопасности труда и его условий, защиты от незаконных увольнений и т.п.). Кроме этого к вопросам наемного труда относятся вопросы задержки выплаты зарплаты и требования ее повышения.

¹ Тут и далее, если не сказано другое, понятия “рабочие” и “наемный труд” для упрощения в рамках задач этой статьи употребляются как тождественные.

² В базу данных по каждому протестному событию вносится от одной до трех проблематик.

2. *Выделение по проблематике и актору.* Использован двухшаговый отбор по двум параметрам. Во-первых, выделяются те протестные события, во время которых озвучивались вопросы, важные для наемных работников, и, возможно, для других организованных протестных акторов (акционеров, потребителей, местных жителей). Сюда включены “закрытие предприятия”, “недостаточное финансирование”, “приватизация”, “национализация”, “рейдерские захваты”, “безработица”. Во-вторых, среди этих протестных событий выделены те, в которых участвуют организованные наемные работники, в частности “учителя”, “ученые”, “журналисты”, “рабочие” и др. Таким образом, к числу протестов наемных работников отобраны также те протесты, во время которых вопросы, потенциально значимые для наемных работников, поднимались организованными группами таких лиц.

3. *Окончательное выделение событий на основании актора.* Среди тех событий, которые во время предыдущих шагов не были включены в протесты наемных работников, отобраны протесты при участии организованных рабочих акторов. Анализ каждого из них становится почвой для отбора в категорию протестов наемных работников или для окончательного отсеивания.

Прежде чем перейти к анализу протестов в защиту прав наемных работников, нужно добавить еще два важных момента. Во-первых, специфика методологии проекта мониторинга [ЦСТД, 2013] состоит в том, что в базу вносятся акторы и цели на основе идентификации наблюдателем или самоидентификации. И это, очевидно, главный недостаток использованных данных. Наблюдателем в этом случае является журналист или кодировщик — идентифицировать протестующих в качестве “учителей” могут медиа или транслировать таким образом их самоидентификацию или же кодировщик может идентифицировать их как “учителей” на основе визуальных материалов новостей (фото, видео).

Во-вторых, следует подчеркнуть временное ограничение базы мониторинга. Ведь нескольких лет, пожалуй, недостаточно для далеко идущих обобщений и окончательных выводов. Однако эти данные обеспечивают существенную возможность анализировать основные характеристики протестов в Украине, в частности протестов в защиту прав наемных работников.

В-третьих, такой материал для анализа существенно отличается от материала Беверли Силвер, исследовательская группа которой фиксировала упоминания о протестах наемных работников в нескольких крупных новостных изданиях. Безусловно, это оправданный шаг для крупномасштабного исследования. Но в ее случае на освещение событий могли повлиять многие факторы — а именно политический и идеологический контекст, в котором распространялись эти издания, геополитические смещения внимания прессы с одних регионов на другие и т.п.

Протесты в защиту прав наемных работников в Украине: динамика и общие характеристики

С 2011 года и до начала “Евромайдана” в 2013 году протесты в защиту прав наемных работников составляли значительную часть протестных событий в Украине. Их доля в общей мобилизации колебалась с 7% в 2012 году до 10% в 2011-м. В абсолютных числах количество протестов в защиту прав наемных работников в целом возрастало с 2011 года и до начала “Евромайдана”. За счет “Евромайдана” выросло количество протестов в защиту

гражданских прав и антиправительственных, поэтому на этом фоне относительная доля рабочих протестов уменьшилась до 8% за 2013 год. Но предмайданный период 2013 года соответствует пику протестов в защиту прав наемных работников, если сравнивать с предыдущими данными мониторинга. В течение января — октября 2013 года произошло как минимум 331 протестное событие в защиту прав наемных работников, что составляло 11% от всей протестной мобилизации в стране за этот период. За десять месяцев 2013 года таких протестов было больше, чем за любой предыдущий год мониторинга (рис. 1).

Во время “Евромайдана” и обострения политического конфликта после него протесты в защиту прав наемных работников отходят на задний план. Идеологическое и политическое противостояние выливается и в наиболее активное представление данных тем на улицах страны. Нужно подчеркнуть, что четкое падение количества протестов в защиту прав наемных работников после “Евромайдана” можно видеть только в относительных показателях — в абсолютных цифрах затишья в рабочей борьбе, как минимум весной и осенью 2014 года не наблюдается. Более того, в конце 2014 года протесты в защиту прав наемных работников устанавливают новый месячный рекорд — в декабре 2014 года, когда минимум 70 протестов касались рабочего вопроса. При том, что в предыдущие годы мониторинга это время характеризовалось затишьем в мобилизации. К тому же эти данные уже не охватывают территорию АРК и районы Донецкой и Луганской области под контролем самопровозглашенной власти.

В целом конкретные пики мобилизации в защиту прав наемных работников соответствуют конкретным протестным кампаниям и исключительным случаям отраслевой мобилизации. Одним из таких исключительных случаев, который на графике соответствует всплеску протестов наемных работников весной 2011 года, были протесты работников сферы образования с требованием повысить заработную плату. Эта кампания уникальна для всего периода мониторинга, поскольку, во-первых, она представляла собой отраслевую всеукраинскую мобилизацию; во-вторых, была организована при активной поддержке Федерации профсоюзов Украины; в-третьих, выдвигались наступательные требования в противовес типичным защитным кампаниям наемных работников.

Важно также добавить, что еще одной составляющей пика протестов в защиту прав наемных работников весной 2011 года была оппозиционная кампания “Автомайдан”, участники которой критиковали фактически все масштабные инициативы тогдашних властей, в частности Проект трудового кодекса, который ограничивал права наемных работников. На этом примере видно, как тогдашняя оппозиция в электоральной борьбе агрегировала всю существенную критику тогдашних властей. “Автомайдан” стал примером того, как выступления в защиту прав наемных работников вышли за рамки узкой коалиции независимых профсоюзов и левых активистов, пусть даже на фоне политических интересов оппозиционных парламентских партий.

Большинство же мобилизации в защиту прав и интересов наемных работников за период мониторинга соответствует локальным кампаниям отдельных рабочих коллективов. И здесь следует подчеркнуть важную особенность распределения мобилизации — в ней не выделяется ни одна отдельная отрасль экономики, где бы интенсивность протестов была существенно выше других. Данные четко указывают, что объяснительную схему

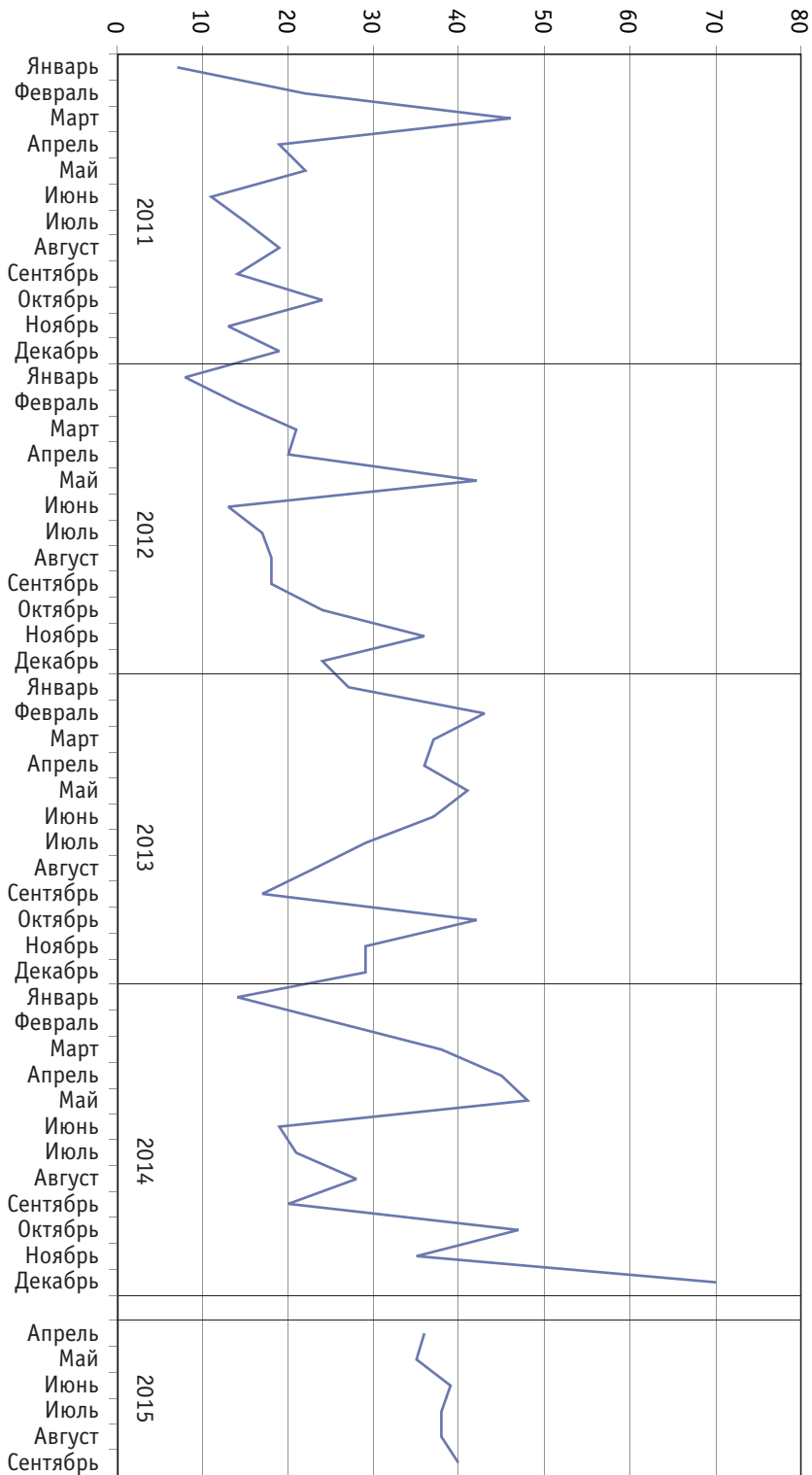

Рис. 1. Динамика протестов в защиту прав наемных работников в Украинском Автономном Регионе Крыма. С началом боевых действий на Донбассе из расчетов исключены территории под контролем самопровозглашенной власти

Беверли Силвер отраслевого распределения протестов применить к Украине за этот период невозможно.

Более того, четкого географического распределения данные также не демонстрируют. Распределение мобилизации между регионами страны изменяется из года в год, и приписывать его экономическому потенциалу того или иного региона не представляется возможным. Например, если в 2011 году Восточный¹ регион был лидером по уровню мобилизации в защиту прав и интересов наемных работников, то большинство этой мобилизации не касается индустриального конфликта, а соответствует особенностям распространения локальных кампаний на разных предприятиях и в учреждениях. В другие годы соответствующего лидерства в географическом распределении не наблюдается, наоборот — в 2012–2013 годах на Восточный регион приходится самая низкая доля протестов в защиту прав наемных работников.

Анализируя вопросы, поднимавшиеся в рамках протестов в защиту прав наемных работников в Украине, можно однозначно утверждать, что большинство из этих протестов имеют защитный, а не наступательный характер. Ежегодно, начиная с 2011-го, главной проблемой, озвучивавшейся на этих протестах, была проблема невыплаты зарплаты, а главным требованием — требование ее выплаты. Вопросы задолженности в разные годы звучали на 35%–47% протестов в защиту прав наемных работников. Не является исключением и 2013 год — перед “Евромайданом” с вопросами задолженности были связаны 45% мобилизаций наемных работников.

В частности, 30% протестов в защиту прав наемных работников касались рабочих прав, таких как условия труда, социальные выплаты, незаконные увольнения или теневая зарплата. В 2013 году также наблюдалось существенное увеличение доли протестов, во время которых выступали против закрытия предприятий или учреждений — с 13% в 2012 году до 19% в 2013-м. На четвертом и пятом местах, соответственно, протесты против рейдерского захвата предприятий и безработицы.

Наступательные требования касательно повышения зарплаты довольно редки в протестах в защиту прав наемных работников в Украине. Во время значительной части протестных событий они озвучивались только в 2011 году, охватывая 16% рабочих протестов (от 4% до 6% в другие годы). Большинство из этих 16% касались уже упомянутой масштабной всеукраинской кампании работников сферы образования с требованием повышения зарплаты. Даже если предположить, что определенная доля протестов с требованиями касательно рабочих прав имела наступательный, а не защитный характер, наступательные кампании все равно будут составлять меньшинство от общей мобилизации.

Редкие примеры наступательных и/или масштабных протестов в защиту прав наемных работников качественно отличаются от всех прочих локализованных и изолированных кампаний. Главным отличием, бесспорно, является активное участие организованных союзников. В случае кампании

¹ Регионы Украины, согласно методологии Мониторинга: Центр (Житомирская, Киевская, Черниговская, Сумская, Винницкая, Черкасская, Кировоградская, Полтавская обл.); Крым (АР Крым и г. Севастополь), Восток (Харьковская, Днепропетровская, Запорожская, Донецкая, Луганская обл.); Юг (Одесская, Николаевская, Херсонская обл.); Запад (Волинская, Ривненская, Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская, Черновицкая, Закарпатская обл.).

работников сферы образования такую роль играл отраслевой профсоюз Федерации профсоюзов Украины, а в случае “Автомайдана” — широкая коалиция оппозиционных партий, организаций и групп (рис. 2).

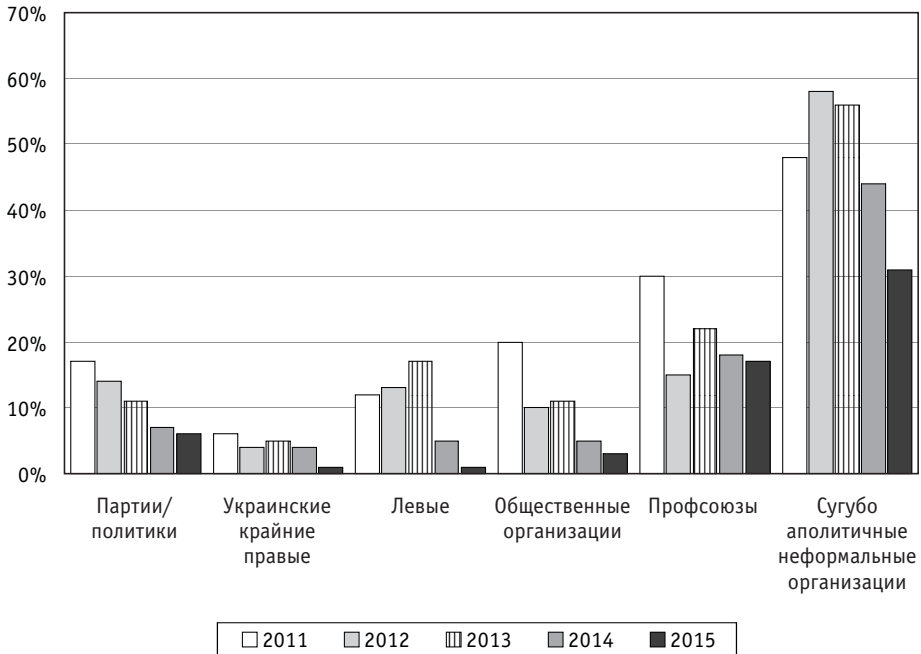

Рис. 2. Участники протестов в защиту прав наемных работников в Украине, по данным Мониторинга ЦСТИ (% от протестов наемных работников)

Однако, как видно из графика на рисунке 2, в целом организованные протестные акторы мало интересуются протестами в защиту прав наемных работников. За период мониторинга политические партии принимали участие как максимум в 17% рабочих протестов (2011 год, “Автомайдан”), тогда как их участие в протестах в целом колебалось от 30% до 36%. Общественные организации проявили больший интерес к проблемам наемного труда, приобщившись как максимум к 20% протестов (2011 год, “Автомайдан”), по сравнению с 17%–29% их участия в протестах в целом. Политический спектр акторов протестов в защиту прав наемных работников весьма показателен — участие радикальных левых организаций и групп в этих протестах в 2–3 раза больше, чем участие радикальных правых.

Что касается профсоюзов, то они проявили более активное участие в протестах в защиту прав наемных работников, чем в протестах в целом. В 2011 году они приобщились к 30% рабочей мобилизации (благодаря участию в кампании работников сферы образования), тогда как их активность в протестах в целом колебалась от 2% до 7%. Однако проблематичная ситуация с “официальными” профсоюзами в Украине [Mandel, 2004; Атанасов, 2012] отражается в их низком участии в протестах наемного труда (кроме 2011 года), если иметь в виду историческую роль, возложенную на эти организации с начала их существования.

Таким образом, как видно из графика на рисунке 2, в большинстве случаев права наемных работников они защищают своими силами. И данные

после “Евромайдана” указывают на дальнейшее уменьшение организованной поддержки рабочих даже со стороны существующих союзников.

От рабочей к более широкой социально-экономической перспективе

Данные мониторинга демонстрируют как относительно неблагоприятное положение с реальными правами представителей наемного труда в Украине (учитывая тематику их протестов), так и проблематичность их протестного потенциала, который слабо вписывается в концептуальную модель Беверли Силвер. Очевидно, что региональное и отраслевое распределение протестов в защиту прав наемных работников слабо обусловлено географическими и отраслевыми структурными особенностями экономики и скорее привязано к конкретным протестным кампаниям. Разумеется, ответ на вопрос о том, почему исследовательская метатеория не срабатывает в данном случае, можно искать в краткосрочности перспективы, ограниченной имеющимися данными.

Впрочем, возможно и иное (связанное с предыдущим) объяснение подобного несоответствия. Нужно помнить, что Беверли Силвер работала с длительными историческими периодами и глобальным региональным многообразием данных, что позволяло уловить моменты роста в географических и отраслевых рамках. В случае нескольких лет украинской истории, когда экономическое положение (в лучшем случае) можно охарактеризовать как период стагнации, тенденции, замеченные исследовательницей, явно не могли четко обозначиться. Без экономического роста в определенных отраслях эти отрасли просто не могли агрегировать существенную часть борьбы за права наемных работников и занять передовые позиции в социально-экономической борьбе между приверженцами дерегуляции и коммодификации и их противниками. Структурная слабость наемных работников в условиях стагнации не делает их влиятельными акторами общественно-политического процесса.

Возвращаясь к вопросу мобилизационных процессов в социально-экономической сфере, которые были контекстом беспрецедентной мобилизации на “Евромайдане” и после него, протесты за права наемных работников как индикатор социально-экономического неудовлетворения дерегуляцией рынка следует поставить под вопрос. Хотя накануне “Евромайдана” и наблюдался существенный рост этих протестов, их качественные характеристики заставляют подвергнуть сомнению если не индикативные, то по крайней мере мобилизационные параметры. Бесспорно, сам факт наличия роста протестов в защиту прав наемных работников можно считать индикатором усиления настроений в пользу регуляции роли рынка в обществе. Однако преимущественно локализованные, защитные кампании, которые часто проходили без поддержки союзников, трудно отнести к мобилизационной волне с большим потенциалом общественно-экономического и политического влияния.

Пожалуй, именно в этом месте, основываясь на анализе имеющихся данных, имеет смысл вернуться к начальной метатеории Карла Поланьи. Ведь он в своей работе прежде всего говорил не о конкретных протестах определенного класса или группы — Поланьи ведет речь о широком фронте борьбы или защиты общества против дерегуляции рынка, к которой приобщаются и общественные движения, и государственные институты, и гражданское общество. При этом эти акторы могут действовать одновременно,

исходя из абсолютно разных идеологических и стратегических установок — от консерватизма до левого радикализма, от гуманизма до прагматизма. В этой статье трудно оценить роль всех акторов, выступающих за регуляцию рынка, поскольку она фокусируется на вопросе роли общественных движений в социально-экономических и политических процессах. Но, может быть, следует выйти за рамки вопроса протестов в защиту прав наемных работников и рассмотреть их в более широком контексте социально-экономических протестов, реагирующих на дерегуляционные тенденции.

Как уже упоминалось, за все годы имеющихся данных мониторинга можно говорить об относительном, а иногда и абсолютном доминировании социально-экономических протестов в Украине. В 2011 году около 60% всех протестов поднимали как минимум один социально-экономический вопрос. В 2012–2013 их доля упала почти до 43%. Но с января по 21 ноября 2013 года социально-экономических вопросов касались 56% протестных событий, что составляло абсолютное большинство мобилизации в стране (рис. 3).

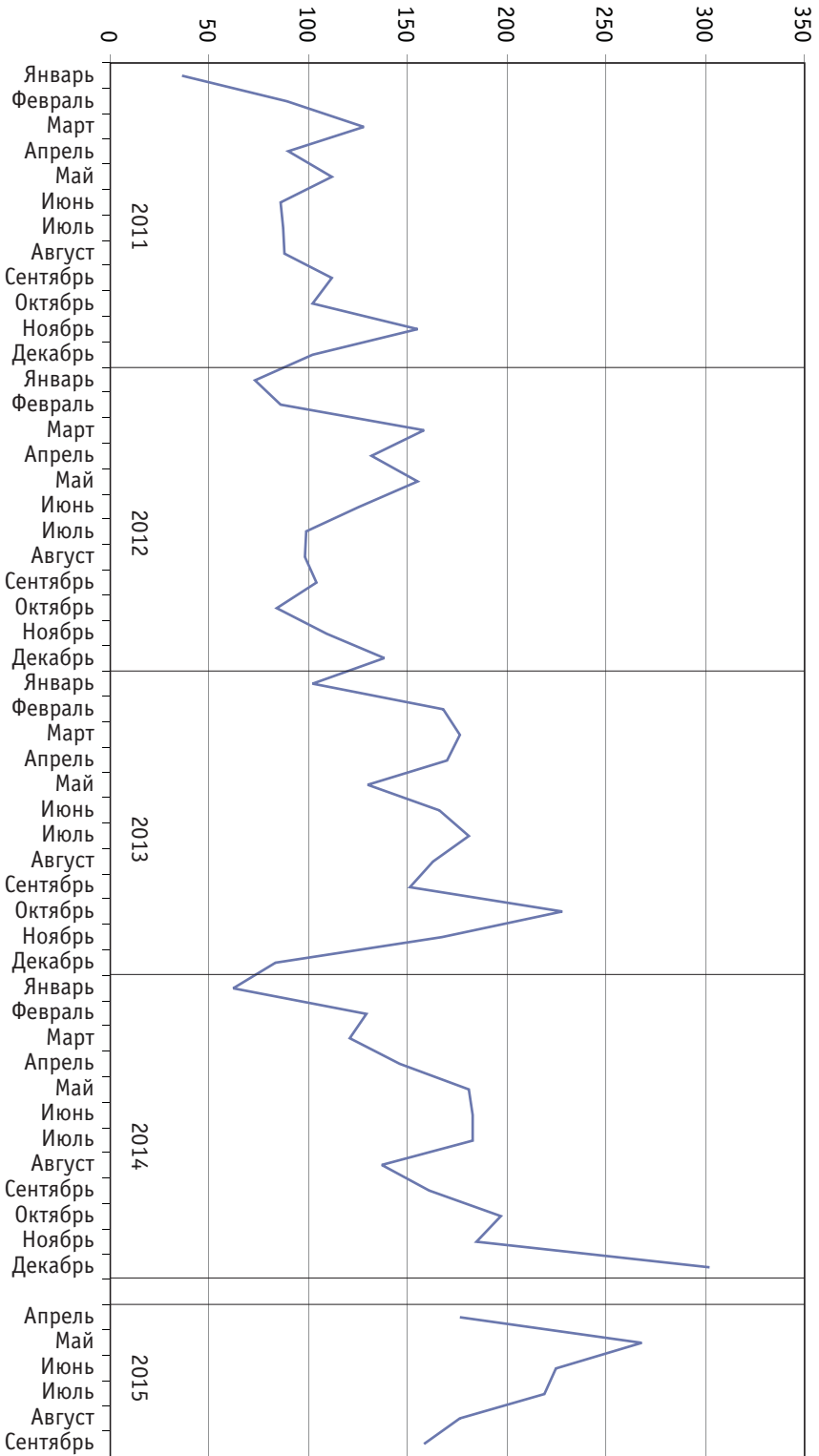
Исключив из динамики социально-экономических протестов протесты малого и среднего бизнеса как потенциальную (но не обязательно) мобилизацию за дерегуляцию, можно получить приблизительное представление о мобилизации против дерегуляции рынка в Украине. Как видно из графика на рисунке 3, протесты в защиту прав наемных работников были одной из составляющих растущей мобилизации против дерегуляции. Поэтому в рамках теории Карла Поланьи можно с высокой долей вероятности говорить о нарастании кризиса легитимности дерегуляции рынка, на фоне которой развернулись события “Евромайдана”.

Но в таком случае встает вопрос: почему социально-экономические требования фактически отсутствуют в дискурсе социально-политического конфликта. Можно предположить, что одной из причин были качественные характеристики протестов наемных работников, в большой степени присущие и социально-экономическим протестам в целом: защитный характер, локализованность, низкий уровень политизации требований, относительно низкое участие организованных политических акторов и гражданского общества.

Еще одна причина, которую можно привести, частично проистекает из стагнации экономики, предшествовавшей событиям “Евромайдана”, и отсылает к более широкой социально-экономической перспективе. Как отмечают некоторые авторы [Сидоренко, 2015], период до 2013 года характеризовался ростом дефицита государственного бюджета, негативным торговым сальдо и концентрацией бизнеса в руках провластных элит. В таких условиях собственники не могли существенно увеличивать свою прибыль за счет, например, внешней торговли, и те из них, кто не был близок к власти, проигрывали под давлением конкуренции при таких предпосылках. То есть оппозиционная элита не имела иных структурных путей развития бизнеса, кроме как в плоскости борьбы за политическую власть. Как бы парадоксально это ни звучало, в терминах теории Поланьи в предмайданной Украине можно говорить не только о нарастании кризиса легитимности дерегуляции рыночной экономики, но и об одновременном нарастании кризиса доходности для значительной части капиталистического класса.

Бесспорно, на основе этого анализа невозможно утверждать о непосредственной связи между этими социально-экономическими процессами и событиями, которые начались в конце 2013 года. Для этого следовало бы отследить возможные пересечения между акторами мобилизации против дерегуляции и

Рис. 3. Мобилизация против дерегуляции: социально-экономические протесты в Украине, за исключением протестов малого бизнеса (по данным Мониторинга ЦСТИ, количество протестов)

“Евромайдана”. Это выходит за рамки данного исследования, и можно лишь спекулировать в этой плоскости. Но даже если предположить, что существенного пересечения между акторами не было, вполне очевидно иное допущение, вытекающее из результатов анализа этой статьи: кризис доходности толкал оппозиционную элиту к борьбе в политической плоскости, а кризис легитимности настраивал широкие слои населения против тогдашних властей, что, вместе с репрессиями против первой волны мобилизации “Евромайдана”, привело к беспрецедентной мобилизации в отдельных регионах.

Выводы

Данные о динамике и характере протестов в защиту прав наемных работников в Украине перед “Евромайданом” подтверждают рабочую гипотезу о нарастании кризиса легитимности дерегуляции рынка, однако требуют ее определенного расширения.

Очевидно, что, анализируя большие временные отрезки, как Карл Полањи, так и Беверли Силвер не предлагают возможности эмпирического использования их теорий в условиях экономической стагнации. Это четко видно из анализа протестов наемных работников в Украине, который не указывает ни на географическую, ни на отраслевую агрегацию мобилизации на фоне отсутствия динамического развития экономики в целом и ее отдельных отраслей, когда структурная сила работников остается низкой. В такой ситуации можно наблюдать усиление протестов в защиту прав наемных работников, но потенциал этих протестов будет оставаться низким.

Поэтому хотя протесты наемных работников и прочие социально-экономические протесты в ответ на дерегуляцию рынка имели тенденцию к увеличению перед началом “Евромайдана”, в условиях стагнации они обычно имели защитный и локализованный характер, а их поддержка со стороны потенциальных союзников была довольно низкой. Следует отметить, что помимо этого четкий нарабатанный дискурс против дерегуляции и коммодификации, распространенный во многих европейских странах, фактически отсутствует в украинских реалиях. Используя терминологию социологии общественных движений, можно сказать, что социально-экономическим антидерегуляционным протестам в Украине недоставало если не целостной идеологии, то по крайней мере мобилизационного фрейминга, который бы сделал возможной системную формулировку проблем и требований.

Наряду с нарастанием кризиса легитимности дерегуляции еще одним важным аспектом социально-экономического контекста, который предшествовал “Евромайдану”, была стагнация экономики, сопровождавшаяся все большей олигархизацией и концентрацией бизнеса в руках провластных элит. Можно предположить, что в период отсутствия экономического роста развитая стадия кризиса легитимности дерегуляции рынка может совпасть с кризисом доходности для значительной части капитала, находящегося в оппозиции к власти. В таких условиях оппозиционная элита искала выход из ситуации в плоскости политической борьбы с действующей властью, а значительная часть населения негативно относилась к этой власти, разочаровавшись в ее социально-экономической политике. Подобные тенденции среди элиты и широких слоев населения хоть и не были причиной “Евромайдана” и дальнейших событий, но могли существенно повлиять на мобилизацию человеческих и материальных ресурсов протеста. Впрочем, слабая

организация и концентрация преимущественно на локальных краткосрочных проблемах со стороны сил, выступавших против дерегуляции экономики, не создали условий для включения социально-экономической проблематики в повестку дня уличных протестов.

Источники

Атанасов В. Кінопоїзд на ХМЗ: коментарі до кінодокументації робітничих протестів на Херсонському машинобудівному заводі / В. Атанасов, А. Рябчук // Спільне : журн. соціальної критики. — 2012. — № 4. — С. 134–145.

Міністерство внутрішніх справ [Електронний ресурс]. — 2012. — Режим доступу : <http://zmina.org.ua/wp-content/uploads/2013/01/mvs.jpg>.

Панькова О. Забастовочное движение в Украине: тенденции и особенности / О. Панькова, Е. Иващенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 236–248.

Рябчук А. Адаптационный дискурс как средство маргинализации рабочего класса в постсоветских обществах / А. Рябчук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 1. — С. 105–114.

Сидоренко С. Економічні передумови “Революції гідності” / С. Сидоренко // Спільне : журн. соціальної критики. — 2015. — № 9. — С. 39–43.

Симончук Е. Рабочий класс в Украине: хроника потерь / Е. Симончук // Социология : теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 5–25.

Симончук Е. Рабочий класс в Украине: тренды рекомпозиции структуры / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 2. — С. 38–65.

Симончук О. Класова дія: тенденції формування соціальних класів в Україні / О. Симончук // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2011. — № 4. — С. 50–96.

ЦСТД: Центр соціальних і трудових досліджень. Бази протестних подій та повідомлень [Електронний ресурс]. — 2010–2013. — Режим доступу : <http://cslr.org.ua/bazi-protestnih-podiy-ta-povidomlen-2/>.

ЦСТД: Центр соціальних і трудових досліджень. Ukrainian Protest and Coercion Data Codebook [Електронний ресурс]. — 2013. — Режим доступу : http://cslr.org.ua/wp-content/uploads/2015/01/UPCD_Codebook_2013.pdf.

ЦСТД: Центр соціальних і трудових досліджень. Як змінилися протести через рік після Майдану? [Електронний ресурс]. — 2014. — Режим доступу : <http://cslr.org.ua/wp-content/uploads/2014/12/CSLR-CSR-Year-after-Maidan-25-Nov-2014.pdf>.

Crowley S. Explaining Labor Weakness in Postcommunist Europe: Historical Legacies and Comparative Perspective / S. Crowley // East European Politics and Societies. — 2004. — № 18 (3). — P. 394–429.

Dale G. Double Movements and Pendular Forces: Polanyian Perspectives on the Neoliberal Age / G. Dale // Current Sociology. — 2012. — Vol. 60, № 1. — P. 3–27.

Kubicek P. Organized Labor in Postcommunist States: Will the Western Sun Set on It, Too? / P. Kubicek // Comparative Politics. — 1999. — № 32(1). — P. 83–102.

Kubicek P. Civil Society, Trade Unions and Post-Soviet Democratization: Evidence from Russia and Ukraine / P. Kubicek // Europe-Asia Studies. — 2002. — № 54(4). — P. 603–624.

Mandel D. Labour after Communism: Auto Workers and Their Unions in Russia, Ukraine, and Belarus / D. Mandel. — Montreal ; London : Black Rose Books, 2004. — P. 256.

Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time / K. Polanyi // Beacon Press. — 2001. — P. 317.

Riain S. Time–space intensification: Karl Polanyi, the double movement, and global-informational capitalism / S. Riain // Theory and Society. — 2006. — Vol. 35, № 5. — P. 507–528.

Silver B. Forces of Labor: Workers' Movements and Globalization Since 1870 / B. Silver // Cambridge University Press. — 2003. — P. 238.

Varga M. An Anatomy of ‘Collective Anti-Collectivism’: Labor Sociology in Ukraine and Romania / M. Varga // Global Labour Journal. — 2011. — № 2(1). — P. 43–63.